

Завтра, 17 февраля, будет три года, как погиб Александр Башлачев. Эти посмертные годы принесли посмертную славу самому вольному и трагическому поэту восьмидесятых. Его биография могла бы состоять из прочерков: не служил, не состоял, не привлекался, не имел, не печатался, не награждался, не выезжал и родственников за границей не имел...

Родился в Череповце в 60-м, на излете оттепели, учился на факультете журналистики Уральского университета в «глухие» годы застоя, погиб 27-летним в самый, быть может, светлый год перестройки.

Все это так. Но все это — схема, обман зрения. Жизнь поэта, да и любого нормального человека, не делится на идеологические этапы. Поэта можно отправить по этапу или посадить под домашний арест, а для него это будет болдинская осень. По историческому расписанию — военный коммунизм, а у него — первый снег.

Башлачев много писал, пел, когда рок-музыкой пугали маленьких детей. Когда стало чуть-чуть можно и где-то, где-то далеко и для него забрезжил светлячок — он замолчал и почти ничего не записав в последний год перед гибелью. «Годы весело гремят пустыми фляжками...».

«Перестроечная литература» оказалась пустыми фляжками, и за ее веселым грохотом мы не услышали одиноких тревожных голосов. Может, Сашины песни-предчувствия услышат сейчас, когда на пороге «Александр-шоу» и комендантский час?

Для наших издателей Башлачев до сих пор проходит по ведомству рок-музыки. «Большая» литература не задушила его, к счастью, в своих объятиях. Два года тужилось одно московское издательство сделать книжку стихов Башлачева. Музыканты, друзья Саши собрали для этого деньги. Книжки до сих пор нет.

Башлачев остался самостоятельной планетой. Слишком самостоятельной для нынешней литературной ситуации, когда всех и вся уже поделили на «своих» и «чужих». Его песни остались в чистом поле.

Песни становятся стихами, когда их некому петь. На бумаге они не защищены голосом — судорожным и нежным, — они стоят перед вами голые, и видна вся их дикая неправильность и гениальная нескладность. Кажется, что слова разбросаны так и сяк, а попробуй сдвинь хоть одно — не сдвинешь.

Книги, воспоминания, легенды, мемориальные «тусовки» и таблички... Посмертное милосердие к поэтам поставлено у нас неплохо. И все-таки: любите поэтов живыми!

Пусть не ко двору эти ангелы чернорабочие.

Прорвется к перу то, что долго рубить и рубить топорам.

Поэты в миру после строк ставят знак кровотечения.

К ним бог на порог. Но они верно имут свой срам...

Настя РАХЛИНА (БАШЛАЧЕВА),

Фото И. МУХИНА.

"Комсомольская Правда" 16 февраля 1991